

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

II.

Длинные но печальные разсужденія о нашей драматургіи и о нашихъ драматургахъ съ воздаяніемъ чести и хвалы каждому по заслугамъ.

Настоящую статью мою я начну съ исправленія трехъ ошибокъ, вкравшихся въ предшествовавшую, - ошибокъ, изъ которыхъ въ одной я вовсе не виноватъ, въ другой приношу *amende honorable* а въ третьей нисколько не раскаиваюсь.

Именно 1) по ошибкѣ наборщика, вмѣсто: "г-жа Силуянова дебютировала эпизодически т. е. явилась передъ публику съ одной аріей (слышно впрочемъ, что она дебютировала въ Линдѣ.) „вышло, что г-жа Силуянова дебютировала въ Линдѣ, чего

вовсе не было. 2) Бѣлотѣлову въ женитьбѣ Бальзамина я назвалъ Ничкиной, въ извиненіе чего не имѣю права сказать даже какъ гоголевскій городничій „по неопытности“. - и 3) дичь, рекомую Ливанской красавицей и принадлежащую фантазіи г. Петипа я назвалъ сочиненіемъ г. Сень Лео а - что впрочемъ совершенно все равно, ибо гг. Сень Леонъ и Петипа могутъ поспорить кто кого перещеголяетъ балетной дичью...

За симъ покаявшись (что и прилично въ ту пору года, въ которую настоящая статья пишется) я приступаю къ весьма печальнымъ размышленіямъ, возникшимъ изъ прошлой бесѣды моей съ моимъ юнымъ провинціальнымъ другомъ. Изъ нее, если читатели пробѣжали ее, какъ самый неотразимый выводъ являлись слѣдующіе три факта;

1) чрезвычайно низменный уровень нашего драматическаго столичнаго репертуара.

2) таковой же, если еще не болѣе низменный, уровень драматической нашей сцены.

3) таковой же, если еще не болѣе низменный, уровень нашей театральной критики.

Всѣ эти три факта съ посильнымъ объясненіемъ ихъ причинъ мнѣ и слѣдовало бы разсмотрѣть по тремъ рубрикамъ, еслибы я не питалъ глубочайшаго отвращенія къ рубрикамъ вообще. Вслѣдствіе же такого неодолимаго отвращенія - я только выставляю на видъ факты, о которыхъ намѣренъ я вести рѣчь: говорить же о нихъ буду по обычаю такъ какъ Богъ на душу положитъ, не держась строго установленныхъ гранокъ.

Вотъ на примѣръ я начну прямо ex abrupto съ одного весьма страннаго и въ нѣкоторомъ отношеніи не лишоннаго назидательности факта. Существуетъ въ "пространномъ,, отечествѣ нашемъ, между множествомъ другихъ диковинокъ, журналъ, который вотъ уже четырнадцатый годъ занимается специально чрезвычайно

любопытнымъ дѣломъ, а именно тупой враждою ко всему новому и живому въ литературѣ, и подбораніемъ на свои страницы разнаго сора, отвергаемаго другими журналами, кромѣ того онъ иногда высидитъ чрезвычайно мудреный вопросъ въ родѣ вопроса о томъ: народный ли поэтъ Пушкинъ? и возится съ этимъ глубокомысленнымъ вопросомъ какъ Кифъ Мокіевичъ возился съ другимъ столь же глубокомысленнымъ: отчего слонъ не родится въ яйцѣ?.. Достопочтенный журналъ сей, извѣстный то подъ именемъ "Старухиныхъ записокъ,, то подъ именемъ "родительскихъ поминаній,, удивительно напоминаетъ извѣстный оракуль басни, который говорилъ дѣло только:

Пока сидѣлъ въ немъ умный жрецъ..

Съ 1838 по 1846 годъ въ немъ сидѣлъ не то что умный, а гениальный жрецъ - Бѣлинскій, который какъ извѣстно попалъ туда по счастливому случаю и чуть не противъ воли главнаго хозяина, славнаго въ литературѣ открытіемъ шестой части свѣта, открытіемъ столь же мало впрочемъ

удавшимся, какъ другое открытіе имъ совершенное - открытіе критика въ героѣ литературной "тли,, въ Межевичѣ - и какъ третье, уже совершенное намѣстникомъ его - открытіе, что Пушкинъ не народный поэтъ.

Фатумъ неудачныхъ открытій, оставившій было журналъ при великомъ заклинателѣ темныхъ силъ Бѣлинскомъ - вновь овладѣлъ имъ какъ только великій заклинатель отъ него отстранился, и отяготѣлъ надъ нимъ окончательно. "Понесъ оракуль вздоръ,, - сначала довольно умный въ родѣ разсужденій о политической экономіи по поводу Кольцова, потомъ вздоръ компилятивно-научный въ родѣ статей о нашей "выдуманной,, литературѣ до-Пушкинской, - вздоръ впрочемъ довольно полезный для составленія разныхъ учебныхъ пособій, наконецъ уже вздоръ совершенно старческой. Вмѣстѣ съ тѣмъ старая страсть къ открытіямъ новыхъ частей свѣта начала выражаться въ старомъ органѣ замѣчательными фактами, да и необходимо

должна была возникнуть. Старческій органъ съ 1850 года - до котораго съ 1846 онъ былъ складочнымъ мѣстомъ хорошаго и дурного школы сантиментальнаго натурализма, покинутый и этимъ все-таки сильнымъ направлениемъ - окончательно осовѣлъ передъ новыми явлениями литературы пятидесятихъ годовъ, которая не избрала его своимъ органомъ, и не понимая ее, а главное - не зная что съ нею дѣлать, рѣшился героически на тупую вражду съ ней, до нынѣ еще продолжающуюся, если не съ успѣхомъ то съ замѣчательно постояннымъ и достойнымъ лучшей участи рвеніемъ... Между тѣмъ она, т. е. литература-то въ лицѣ Островскаго, Писемскаго, А. Толстого дѣлала свое живое дѣло, неспрашиваясь осовѣвшаго оракула и самъ оракуль не могъ, хоть и смутно, не чувствовать что дѣло что-то не ладно, что ему наконецъ печатать нечего и хоть покорился горькой участи печатать (за немногими въ теченіи многихъ лѣтъ исключеніями) журнальные оборыши, но придумалъ въ видахъ развлечения своихъ

читателей принятыя вновь за открытіе новыхъ частей свѣта.

И вотъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1855 подарилъ онъ публику открытіемъ поистиннѣ блистательнымъ, а именно, напечаталъ сцены (все напечатать посовѣстился!) изъ знаменитой комедіи г. Горева: „Сплошь да рядомъ“. Причина помѣщенія очень ясна. На-те дескать вамъ (т. е. публика) штуку почище вашего хваленаго Островскаго, языкъ „почуднѣ“, нравы похлеще!. Увы! шестая часть свѣта осталась terra incognita, сценъ изъ комедіи г. Горева неодолюбилъ никто. Фіаско было совершеннѣйшее, самага неблаговиднаго свойства.

Жизнь и литература дѣлали свое дѣло въ разрѣзъ съ почтеннымъ журналомъ. Журналь тоже дѣлалъ свое дѣло т. е. наполнялся мертворожденными произведеніями или журнальными оборышами. Иногда онъ покушался какънибудь оживить себя, напечаталъ, напримѣръ „Обломова“, сталъ печатать даже Писемскаго, противъ котораго воевалъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ, печаталъ

Мея... но „не вливають вина новаго въ мѣха ветхіе". Ветхій мѣхъ вредиль и вредиль даже новому вину, которое попадало въ „Старухины записки" напрімѣръ въ видѣ статей гг. Павлова (П. В.) Щапова (пока даровитый, хоть и парадоксальный изслѣдователь не сталъ окончательно русскимъ историкомъ „Искры"), и попадаетъ еще временами доселѣ въ видѣ умныхъ и дѣльныхъ статей г. Бестужева-Рюмина... Во всякомъ случаѣ, это случайное новое и живое попадавшее и изрѣдка до сихъ поръ попадающее въ престарѣлый органъ - столь же мало идетъ ему какъ павлиновъ хвостъ къ воробью.

Удивятся конечно что о литературномъ журналѣ и его направленіи говорю я въ статьѣ о театрѣ. Да что же прикажете дѣлать, когда съ 1855 года - журналъ открываетъ новые части свѣта преимущественно въ области драматургіи, - что въ немъ и только въ немъ встрѣтите вы творенія г. Потѣхина Junioris, г. Θ. Устрялова и другія диковины російскаго драматическаго генія, которыхъ ни одинъ

сколько нибудь уважающій литературу органъ печатать не станетъ, что съ другой стороны, въ немъ и только въ немъ встрѣтите вы заматерѣвшую тупую вражду къ Островскому, что въ немъ и только въ немъ наткнетесь вы въ настоящую минуту на хвалебные гимны г. артисту Бурдину...

Вы можетъ быть не вѣрите? Увы! и я бы не вѣрилъ еслибы не лежала теперь во-очію передо мною январская книжка достопочтеннаго журнала и еслибы не прочелъ я разныхъ диковинъ въ ней заключающихся, отъ драмы "Пагуба,, изъ народнаго быта, гдѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является блудящій огонекъ, вспыхивающій на могилѣ героининой матери, да театральная хроника вопіющей на безнравственность "Воспитанницы,, Островскаго и восхваляющей г. Бурдина за роль Тита Титыча въ „Тяжелыхъ дняхъ"...

Добродѣтель себѣ представителя,

Въ литераторѣ нынѣ найдетъ...

И великій Леметръ нашъ хвалителя

Неожиданно вновь обрѣтетъ.

Вновь, говорю я, ибо имѣлъ же онъ таковаго въ г. Героглифовъ.

Вотъ эта-то самая книжка толстаго и почтеннаго журнала и послужить для меня исходнымъ пунктомъ всѣхъ моихъ разсужденій. Въ ней все есть - и оборышъ журнальный въ видѣ драмы "Пагуба,, - и открытіе въ родѣ безнравственности "Воспитанницы,, и таланта г. Бурдина - и есть наконецъ вещь, которую, какъ совершенно противорѣчащую общему направленію журнала, я назову только послѣ.

Вы не потребуете конечно чтобы я разобралъ "Пагубу,,. Сколько этихъ "Пагубъ,,,"Злыхъ долей,, "Тяжкихъ долей,, - заимствованныхъ разумѣется изъ народнаго быта носится во всѣ редакціи - и какое глубочайшее недовѣріе возбуждаютъ онѣ однимъ видомъ своимъ во всѣхъ редакторахъ и во всѣхъ сотrudникахъ, которымъ редакторы поручаютъ просматривать разный наносимый хламъ. И есть причины на такое недовѣріе. Я на примѣръ, во первыхъ совершенно

согласенъ съ парадоксальными по формѣ но совершенно основательными словами одного изъ моихъ друзей, что "ужасно трудно писать драматическія сочиненія,, - словами, сказанными имъ съ горестію одному очень неглупому господину и вовсе не бездарному писателю по прочтеніи его произведенія въ драматической формѣ, - во-вторыхъ, я нагло, до цинизма ни въ какія драмы изъ народнаго быта, кромѣ драмъ Островскаго не вѣрю, пока разумѣется не воспослѣдуетъ неожиданно какого-нибудь осязательнаго разувѣренія - въ третьихъ наконецъ, я также нахально не вѣрю, чтобы какое либо замѣчательное драматическое произведеніе миновало рукъ тѣхъ изъ редакторовъ, которые суть въ нѣкоторомъ родѣ "исполины-ловцы»..

Всѣ эти причины моего невѣрія, кромѣ послѣдней, должны быть конечно разъяснены.

Дѣйствительно, «ужасно трудно писать драматическія сочиненія». Покойный Чернышевъ наримѣръ, въ разныхъ очеркахъ, сценахъ повѣстяхъ высказывалъ

много наблюдательности, писалъ въ этомъ родѣ покрайней мѣрѣ прилично... но вѣдь хламъ, пошлость и рутина - его произведенія для сцены. Дурная положимъ книга г. Потѣхина junioris, „Наши безобразники“, но вѣдь этотъ страмъ литературный, - перлъ въ сравненіи съ его сценическими произведеніями въ родѣ «Дока на доку нашоль» (зри Отеч. Зап.), или «Доля Горе» (зри оныя же). Скучны романы и повѣсти г-жи Евгеніи Туръ, но что же это въ сравненіи съ ея драматической пословицей: «Первое апрѣля»? Приторны военные рассказы г. Погосскаго, но вѣдь въ нѣкоторомъ родѣ на жизнь человѣческую посягаютъ его драмы. Плоха была географія покойнаго г. Ободовскаго, но кто же перенесетъ, кромѣ режиссера Александринскаго театра и общества умственнаго паралича, „Боярина Матвѣева.“ Пусть романъ г-жи Каменской: „Пятьдесятъ лѣтъ“ назадъ (Зри тоже «Отечеств. Зап.») но

Измѣритъ океанъ глубокій
Сочестъ пески, лучи планетъ

гораздо легче чѣмъ изслѣдить всю глубину пошлости заключающейся въ «Лизѣ Ѳоминой» (ее даже и „Отечественныя Записки“ не напечатали, а впрочемъ, можетъ быть еще отпечатають); г. Пальмъ наконецъ, до сихъ поръ извѣстный какъ заурядный, но все-таки приличный поэтикъ, какъ только взялся за драму, - "Благодѣтеля,, написалъ!...

Ужасно трудно писать драматическія сочиненія!

Да не только третьестепеннымъ, упомянутымъ мною сочинителямъ, они не даются. Даровитѣйшему изъ нашихъ белетристовъ, первому изъ нихъ (если, къ сожалѣнію, не одному изъ первыхъ нашихъ художниковъ) г. Писемскому, они не удаются. Одному изъ первыхъ художниковъ нашихъ, Тургеневу, плохо они удавались... такъ плохо, что говоря о немъ какъ объ одномъ изъ нашихъ первыхъ художниковъ, стараешься всегда миновать эти грѣхи его литературной отзывчивости. Наконецъ ужъ на что борзописецъ и притомъ весьма читаемый, весьма

приличный борзописецъ г. Потѣхинъ senior, а какія ужасныя вещи его драмы!

Не говорю ужь о спеціалистахъ - драматургахъ: гг. Владикинъ, Дьяченкѣ, Родиславскомъ и другихъ представителяхъ міра "тли,, литературной, петербургской и московской.

Не говорю съ другой стороны о даровитѣйшихъ лирикахъ какъ напримѣръ Полонскій, согрѣшившій нѣкогда «Дареджанной Имеретинской», о великомъ, но загадочно недовершонномъ талантѣ покойнаго Мея, съ геніальнымъ захватомъ Вѣча, Ивана Грознаго и почти что кукольниковски - пошлою постройкою его драмъ.

Да-съ, ужасно трудно писать драматическія сочиненія!

И еще можетъ быть, и всего можетъ быть труднѣе писать драматическія сочиненія изъ народнаго быта, а они-то только и пишутся, азартно всѣми пишутся въ настоящее время.

Вѣдь что же это за штука напримѣръ жалостная въ сочиненіи г. Писемскаго:

"Горькая судьбина,, вышла... Чего кажется тутъ нѣтъ? И отношенія эти двухъ сословіи затронуты и до избіенія младенцовъ уголовщина доведена

А нѣтъ не веселить

И сердца вашего ни чуть не шевелить

т. е. драмы-то настоящей, потрясающей сердце драмы, не выходитъ. Вѣдь такъ то кажется какой? Костромской, настоящій, pursang. Вѣдь слѣдствіе то хоть бы одно какъ представлено, точно вотъ въ судѣ сидишь, а не выходитъ, ничего не выходитъ. Хоть бы долю той симпатіи чувствовалъ зритель къ Ананію, какую онъ къ Льву Краснову чувствуетъ, а вѣдь Ананья тотъ же П. Васильевъ играетъ и отлично играетъ! Хоть бы что нибудь кромѣ отвращенія къ глупой и потомъ помѣшанной бабѣ, его женѣ, онъ чувствовалъ, а эту бабу играетъ въ Москвѣ первая изъ русскихъ артистокъ К. Н. Васильева.

Или на примѣръ, какихъ штукъ не-гнетъ въ своихъ народныхъ драмахъ г. Потѣхинъ senior, а все-таки отъ его буйствующихъ Мишанокъ, даже когда они Мартыновъ или

П. Васильевъ, остается грубое впечатлѣніе голый уголовщины, а не художества, равно какъ и отъ избіенія младенцовъ въ драмѣ Писемскаго, а отъ его бабъ-кликушъ впечатлѣніе выходитъ какое-то надоѣдливое, раздражающее своею пошлостію.

Вѣдь уголовщина вовсе не то что драма и жизнь голая вовсе не то что искусство. Старая это истина, но ее приходится повторять въ наше время. Левъ Красновъ на примѣръ приковываетъ къ себѣ нашу симпатію, но вѣдь вовсе не тѣмъ что онъ жену рѣжетъ, какъ и Отелло вовсе не тѣмъ, что душитъ Дездемону, а тѣмъ страшнымъ нравственнымъ процессомъ, который привелъ къ этому страшному исходу да роковой изъ этого процесса вытекающей необходимостію этого страшнаго исхода. Оставьте въ сторонѣ Отелло и займитесь на примѣръ Львомъ Красновымъ. Вѣдь это - натура страстная и даровитая, сдѣлавшаяся въ своемъ быту натурою исключительною, а съ другой стороны натура вовсе не добрая, въ обычномъ смыслѣ этого слова. Онъ

такой человекъ, который любить не въ мѣру за то и раздражается не въ мѣру же, около котораго, въ минуты раздраженія, по его же признаніямъ старику дѣду, „близко окаянный ходить" - у котораго "въ очахъ вдругъ смеркнется, въ головѣ звенить, за сердце словно кто рукой ухватить". Такие люди особенно страшны тѣмъ что некраснѣютъ, а блѣднеютъ, не орутъ на весь домъ, а только судорожно говорятъ въ гнѣвѣ. Онъ совсѣмъ не таковъ, каковы другіе люди его среды. «Другой» - самъ же говоритъ онъ - «денегъ себѣ хочетъ, злата, а мнѣ ничего не надо; - мнѣ только чтобъ она меня любила,» - онъ весь поглощенъ этимъ чувствомъ къ ней, у которой онъ считаетъ потребностью и чуть ли не долгомъ «ножки цѣловать»; - для него весь міръ это она, которую самъ онъ выбралъ не въ своей средѣ, не изъ этихъ жиромъ заплывшихъ бабъ, которыя знаютъ «чего сапогъ хочетъ». А между тѣмъ - и вотъ въ чемъ грунтъ его драмы - онъ лавошникъ, онъ «воспитанія» не получилъ, того воспитанія, которое такъ дорого Лукерѣ

Даниловнѣ и самой женѣ, самой ей, которая ни больше ни меньше, какъ младшая сестра Лукерьи Даниловны, во всемъ ей подобная, только что красавица.

Разумѣется я беру Краснова драмы, Краснова Островскаго, великолѣпно передаваемого П. Васильевымъ, а не того, какого хотѣли бы видѣть наши отрицатели вопреки смыслу драмы; не того котораго какимъ-то телкомъ и нюней съ одной стороны а съ другой патріархальнымъ домохозяиномъ представляетъ Садовскій. Ни самодуръ, ни положительный домохозяинъ и тѣмъ менѣе телокъ не зарѣзали бы Татьяны Даниловны - а развѣ побили бы хорошенько, уму-разуму научили и до знанія желаній „сапога" довели. Кровавая же развязка тутъ вовсе не случайность, а роковая необходимость, обусловленная русскою, но исключительно натурой героя - и потому то это трагедія, а не простая уголовщина.

Писемскій, какъ даровитѣйшій, вполне знающій жизнь и умнѣйшій писатель, столь хорошо чувствовалъ что роковой

психической необходимостью не доведетъ своего Ананья до уголовщины, и уголовщину т. е. избіеніе младенцевъ ввелъ какъ чисто случайное обстоятельство, которое, не зли только глупая баба своего весьма положительнаго сожителя - могло и не быть. Правда, что тогда бы и драмы не было да вѣдь драмы все равно и съ уголовщиной-то не вышло. Драма не то что иногда случается - и не то, что должно непременно при извѣстныхъ психическихъ данныхъ случиться. Съ чего Ананью жену убивать? Ребенка онъ точно могъ хватить объ уголь «въ сердцахъ» - но опять-таки, это только уголовная случайность. Оскорбленный домохозяинъ въ немъ что ли такъ сильно заговорилъ? Первое дѣло, что Писемскій слишкомъ умный писатель для того чтобы трагическаго патріарха въ нашемъ быту сочинить, а второе дѣло, что онъ и не думалъ его сочинять, а просто ошибся въ формѣ своего замысла. Ему слѣдовало бы написать рассказъ, въ которомъ дѣло развязалось бы безъ уголовщины, а онъ увлекся энергическимъ

лицомъ Ананья да столкновеніемъ его съ безсильнымъ бариномъ и не зналъ что сдѣлать съ этимъ столкновеніемъ. Вся и штука-то въ томъ что интересъ, участіе можетъ возбуждать въ „Горькой судьбинѣ“ столкновеніе Ананья съ бариномъ, а не отношеніе его къ женѣ. До жены никому дѣла нѣтъ, потомучто и въ жизни Ананья она вовсе не такое роковое звѣно, съ разрывомъ котораго сопряжонъ былъ бы непременно трагическій исходъ. Уголовщина факта такъ и проходитъ передъ нами случайной, голой уголовщиной, не оставляя по себѣ глубокаго впечатлѣнія, не сосредоточивая ни на одномъ изъ лицъ въ ней участвующихъ нашей симпатіи.

Такъ вотъ какъ оно трудно писать драматическія сочиненія, даже такому большому таланту какъ Писемскій.

Но возьмите на примѣръ произведенія такого, весьма способнаго борзописца - какъ г. Потѣхинъ senior - и взгляните на нихъ съ точки зрѣнія искусства - да не того искусства для искусства, которымъ постоянно попрекаютъ вашего покорнѣйшаго слугу и

въ которомъ впрочемъ вашъ покорнѣйшій слуга не виноватъ ни душой ни тѣломъ, а искусства органическаго т. е. сознанія, оразумленія жизни съ ея типами и явленіями въ художественныхъ образахъ. Какое намъ дѣло до кликуши, вопящей „голосами разными" въ продолженіи нѣсколькихъ длинныхъ актовъ драмы: „Судь людской не Божій" - и до стараго дурулома ея отца, который такъ однообразенъ? Что въ ней и въ немъ такого типически-жизненнаго, что стоило бы драматическаго воспроизведенія? Вся драма не что иное какъ пересоль и пересоль до омерзения самой слабой изъ драмъ Островскаго: „Не въ свои сани не садись" безъ ея поэзіи и комизма, безъ Бородкина и тетушки получившей образованіе въ Таганкѣ. Какое намъ опять дѣло до многоактнаго загула Мишанки въ „Чужое добро въ прокъ нейдетъ" загула доходящаго до бессмысленной и совершенно случайной уголовщины - хотя бы, повторяю, Мартыновъ или П. Васильевъ создавали за недостаткомъ

лучшихъ матеріаловъ подъ рукою, изъ этого самаго, крайне несимпатическаго Мишанки - лицо типическое? Вся штука явнымъ образомъ пошлѣйшая пародія одной изъ высшихъ по замыслу и недодѣланнѣйшихъ по выполнению драмъ Островскаго: „Не такъ живи какъ хочется" - безъ ея широкаго размаха, безъ ея поэзіи типовъ и поэзіи бытовыхъ подробностей.

А вы, вотъ я увѣренъ, плохо знаете эту высоко поэтическую вещь или даже совсѣмъ ее не знаете и нельзя васъ винить за это. Драматическія вещи требуютъ сценическаго осуществленія - и „Не такъ живи какъ хочется" мы положительно зарѣзали на сценѣ - не только на петербургской, но даже отчасти на московской, - потому что Петра Ильича и тамъ игралъ „драматистъ" хоть и безконечно даровитый изъ нашихъ „ржанцевъ" но все-таки драматистъ, стало быть герой въ нѣкоторомъ родѣ - и драмѣ не воскреснуть пока трагикъ въ родѣ П. Васильева не олицетворитъ со всей правдой и простотою широкаго типа поэта. Драма

притомъ создана слишкомъ тонко вообще, въ чемъ и сценическая ошибка Островскаго, такъ что пересоль ли недосоль ли въ подробностяхъ навсегда погубить....

Въ драмѣ - кромѣ ея осязаемыхъ и видимыхъ лицъ - царить надъ всѣмъ лицо невидимое, жирное, плотское, загулявшая совсѣмъ масляница (какъ въ „Бѣдность не порокъ" - свѣтлая недѣля, какъ въ „Грозѣ" волжская ночь съ вольной гульбой - и въ воспитанницѣ - весенняя ночь съ потайной „гулянкой"). Эта „Масляница" одинъ изъ многихъ и притомъ наиболѣе уцѣлѣвшій остатокъ нашего стараго и доселѣ еще присущаго намъ язычества, пора полнѣйшей плотской разнузданности, хоронить божество мрака, зиму - и на послѣдяхъ въ волю бушуютъ ея темныя служебныя силы: хари (маски) бродятъ по улицамъ, по ночамъ нечистыя силы, юмористически называемыя анчудками безпятими, Епишками и проч. ходятъ на свободѣ. Загуль, дикій до бѣснованія, достигаетъ своихъ крайнѣйшихъ предѣловъ.

Зимняя полоса культа Ярилы кончается - но ужь даетъ же себя знать на послѣдкахъ въ тяжело лежащихъ на желудокъ въ неестественномъ количествѣ пожираемыхъ блинахъ и въ непомѣрномъ потребленіи спирту и въ катаньѣ съ дѣвушками на тройкахъ и въ катаньяхъ съ ними же съ горь. Пѣсни и пляска, скоморошество въ полномъ разливѣ. Съ ударомъ нашего постнаго колокола къ заутренѣ нечистыя силы исчезаютъ. Но до этой минуты темное божество съ его темнымъ веселымъ и дикимъ загуломъ - всевластно.

Скажутъ вѣроятно, что я съ нѣкоторою сластью повѣствую о его владычествѣ - это ужь навѣрно! И Викторъ Ипатьевичъ и утилитаристы въ этомъ сойдутся какъ во многомъ они внутренно сходятся - да мнѣ-то какое же дѣло? Я хочу ввести читателя въ міръ великой драмы, которую не съ тѣмъ же создавалъ народный поэтъ, чтобы доказать практически сколь вредна масляница для россійскаго прогреса. Я полагаю такъ даже, что ему какъ поэту рѣшительно нѣтъ дѣла до того, полезны или

вредны россійскому прогресу типы жизни, которые онъ увѣковѣчиваетъ художествомъ.

И такъ - царить масляница... она, т. е. конечно не въ видѣ сжигаемой ребятишками чучелы - должна господствовать и на сценѣ... Вотъ тутъ бы удивительно могло помочь поэзіи другое искусство - музыка - да, я твердо вѣрю, что Сѣровъ задумавшій написать увертюру, антракты и всю оркестровку пѣсень для „Бѣдность не порокъ" - напишетъ музыкальную поэму и къ „Не такъ живи какъ хочется"...

Въ созданіи Островскаго - не смотря на широкій захватъ - есть одинъ и притомъ капитальный недостатокъ, недостатокъ смѣлости. „Не такъ живи какъ хочется" писано въ ту эпоху, когда издыхающее западничество усерднѣйше лаялось на то опозитизированіе быта народнаго, которое такъ ярко проступило у поэта въ „Бѣдность не порокъ"... Не то чтобы запугаль этотъ лай поэта, - но такъ какъ лай только и былъ слышенъ тогда въ журналистикѣ, то онъ заставилъ его быть крайне осторожнымъ.

Осторожность впрочемъ ничему не помогла - и только повредила дѣлу, съузила размѣры драмы и лишила ее густыхъ красокъ. Опять повторяю - драма создавалась слишкомъ тонко, такъ сказать очерками - но все-таки можетъ быть воссоздана сценически во всей яркости при пособіи музыки и блестящей обстановки.

Si votre enfant est ni boiteux - сказалъ величайшій поэтъ нашего времени - *ne lui faites pas de jambes de bois* - и разумѣется Островскій не можетъ уже перекрасить или лучше сказать докрасить свою драму. Многое изъ ея первоначальной громадной концепціи дано въ другія его драмы. Такъ, я съ достовѣрностью могу вамъ сказать, что Епишка который долженъ былъ ходить за Петромъ Ильичемъ - ходить теперь за Львомъ Красновымъ... Но и такова какъ она есть, драма „Не такъ живи какъ хочется” - осталась все-таки высоко поэтической вещью - и стоитъ только столь же сильному какъ поэтъ по таланту маэстро пояснить ее, да обставить ее П. Васильевымъ - Петромъ Ильичемъ,

Горбуновымъ - „Епишкой" т. е. тѣмъ полуфантастическимъ, полудѣйствительнымъ „метеорчикомъ", который въ драмѣ является намекомъ на нечистую силу; г-жой Линской - матерью жены Петра Ильича, г-жой Левкѣевой - Грушей, г-жой Владиміровой - женой, да найти стольже даровитыхъ артистовъ на роли двухъ типическихъ отцовъ, симпатичнаго и милаго Васи (вотъ бы г. Малышеву попробовать?), тетушки Петра Ильича, двухъ ямщиковъ - да поставить ее на Мариинскомъ театрѣ, не жалѣя разныхъ аксесуаровъ, на которые мы такъ щедры въ отношеніи къ разнымъ „Фаустамъ" - да къ балетнымъ продуктамъ ерундистой фантазіи гг. Петипа и Сень Леона, да оркестръ вручить конечно не г. Кажинскому, а К. Лядову...

Мало ли дескать что? - вы дескать, милостивый государь, шехерезаду какую то расписываете! Ничуть не шехерезаду - кого-жъ намъ и ставить блистательно какъ не Островскаго или Сѣрова? Къ чему же я косвенно и всѣ рѣчи мои веду? И у кого

достанетъ наглости и отсутствія патриотизма - сказать мнѣ что я не дѣло говорю? Нѣтъ артистовъ дескать... вѣдь это одно почти что могутъ мнѣ возразить. Какъ это нѣтъ артистовъ на столичной сценѣ, когда много яркихъ талантовъ скитаются по провинціямъ - и „чего ради" - существуетъ у насъ огромнѣйшая труппа, при существованіи которой невозможно однако поставить какъ слѣдуетъ почти что ни одной пьесы перваго и единственнаго русскаго драматурга... Ставимъ мы „Свои люди, сочтемся" - у насъ Большова нѣтъ,, - „Грозу" у насъ ни Катерины покамѣсть, ни Дикова настоящаго нѣтъ. „Бѣдной невѣсты" у насъ совсѣмъ нельзя поставить, ибо въ ней или Хорьковъ погибъ, если онъ не П. Васильевъ или Беневоленскій погибъ - или мать Хорькова погибла если она не г-жа Линская - или мать Марьи Андреевны - погибла.

Но это пока въ сторону. Не удивительно что вы, мой читатель, плохо знаете высоко поэтическую драму Островскаго „Не такъ живи какъ хочется" или даже совсѣмъ ее не знаете - если у насъ ее поставить нельзя.

Во всякомъ случаѣ вы ее хоть прочтите, потомучто содержаніе ея я не намѣренъ вамъ пересказывать. Я хотѣлъ только указать тотъ штандпунктъ, point de vue бытовой и художественный, съ котораго должно на нее смотрѣть, - съ котораго поэтическимъ ореоломъ озаряются и ея главный герой и глубоко-захватывающіе народную жизнь подробности.....

А заговорилъ я о ней по поводу весьма омерзительной пародіи на нее, сочиненной г. Потѣхинымъ senior и весьма успѣшно производимой на сценахъ російскихъ, подъ названіемъ „Чужое добро въ прокъ нейдетъ"... гдѣ все есть: и загуль дурашнаго мужика до чертиковъ и уголовщины и темная сила въ видѣ барскаго лакея и жена, - обычно весьма гнусныхъ свойствъ баба - и гульба, и хороводы, и пѣсни - все кромѣ поэзіи, или лучше сказать, гдѣ поэзія драмы Островскаго безсмысленно сведена въ грязь смрадную и непроходимую какъ бываетъ всегда при дагеротипномъ перенесеніи жизни въ искусство.

Вотъ въ томъ-то вся и штука, что идеальная постановка драмы „Не такъ живи какъ хочется" - была бы зрѣлище достойное великаго народа, а представленія драмъ въ родѣ „Чужое добро въ прокъ нейдетъ" - зрѣлище достойное развѣ только Веси, Мери и Чуди, пока эти чудскія племена не амальгамировались съ славянскимъ племенемъ.

Трудно писать драматическія сочиненія вообще, но въ особенности трудно писать драматическія сочиненія изъ народнаго быта. Оно вѣдь только кажется что легко, а въ сущности очень трудно: какъ разъ можно попасть въ драматурги упомянутыхъ мною именъ, какъ г. Потѣхинъ senior, или въ драматурги (что еще хуже) петербургской Чуди, какъ г. Потѣхинъ junior. Право такъ.

Больше еще.. я выскажу вамъ парадоксъ, мой читатель, за который вы сначала на меня непременно возопіете, а потомъ можетъ быть съ нимъ согласитесь.

Но къ этому парадоксу - я вѣдь самъ очень хорошо знаю какъ онъ скандаленъ -

я сдѣлаю нѣкоторый подходъ... Островскаго все упрекають что онъ пишетъ драмы только изъ купческаго быта или много-много что изъ быта подъяческаго (Бѣдная Невѣста, Доходное мѣсто) - что кромѣ того какъ онъ только выводитъ на сцену лица такъ называемаго образованнаго класса (Меричъ въ "Невѣстѣ,, - Учитель и его Дочь - въ "Чужомъ пиру похмѣлье,,) или такъ называемаго-же высшаго класса (Вышневскій и Вышневская въ "Доходномъ мѣстѣ,,) - эти лица выходятъ у него какъ-то безцвѣтны или покрайней мѣрѣ мало колоритны; что даже въ высшей степени симпатичная личность Марьи Андреевны, взятая имъ въ сферѣ образованной, говорить нѣсколько книжною рѣчью. Дѣло - нѣтъ, надѣюсь, сомнѣнія - стоитъ изслѣдованія, болѣе что всѣ эти упреки Островскому слышались и въ началѣ его поприща, слышатся даже и теперь. Какъ хотите, а трудно представить какъ это первый и единственный драматургъ нашъ не знаетъ никакого быта, кромѣ купческаго. Все дескать купцы да купцы! - и подѣ

этимъ упрекомъ таятся два рода вопросовъ: 1) почему Островскій, поэтъ народный, по преимуществу не написалъ ни одной пьесы изъ крестьянскаго быта - и 2) почему онъ, самъ человекъ многосторонне-образованный, не написалъ тоже ни одной пьесы гдѣ бы являлись люди развитые, люди нашего времени и люди классовъ, которые недаромъ же общепринято называть высшими?

Разсмотримъ сперва первый вопросъ, причемъ я и могу уже пустить въ ходъ парадоксъ, который васъ, мой современный - стало быть демократически настроенный читатель - нѣсколько покоробить. Изъ крестьянскаго быта нельзя писать драмы.

Что такое крестьянство? Оно или было крѣпостное т. е. было историческая аномалія, которой слава Богу нѣтъ болѣе, или оно сохранило свою неприкосновенность, свою особенность, свой цвѣтъ, характеръ земледѣльческаго сословія вообще - только какъ крестьянство захолустное степное, убереженное далью отъ столкновеній съ городами и

цивилизациею. Я знаю очень хорошо что такое крестьянство, идеаль глубокоуважаемаго мною направленія славянофильства, нравственно выше и чище городского населенія за исключеніемъ конечно нѣкоторыхъ, видно уже мѣстныхъ фактовъ... Я знаю также что цивилизація заимствуется городскимъ сословіемъ, только въ самыхъ нелѣпыхъ формахъ - искажаетъ несравненно лучшія коренныя задатки, какъ нравственные, такъ и поэтическіе, но первое дѣло, - я совершенно убѣжденъ въ томъ что недаромъ сложилась пословица: „Божье крѣпко да вражье лѣпко" - что разбогатѣй степной мужикъ, онъ торговлю заведетъ, а торговлю заведетъ - съ городомъ сблизится а съ городомъ сблизится - непременно какъ Гордѣй Карпычъ "небель,, поставитъ, потомучто "совсѣмъ другой эффектъ выйдетъ,, а второе дѣло, что драма ничего не подѣлаетъ ни изъ бывалаго крѣпостнаго крестьянскаго быта ни изъ идеальнаго степного крестьянскаго быта.

Драма, какъ искусство вообще - увѣковѣчиваетъ коренные, стало быть нормальные органическіе типы народной жизни - порочные или добродѣтельные - это ей совершенно все равно; увѣковѣчиваетъ притомъ *sine ira et studio*,

Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ, не задаваясь ни сочиненнымъ идеаломъ, ни раздраженіемъ.

Коренные же, органическіе типы бытовой жизни могли сложиться во-первыхъ только въ свободномъ сословіи и во-вторыхъ только въ такомъ свободномъ сословіи, которое могло такъ сказать повѣрить ихъ крѣпость или слабость въ столкновеніи съ цивилизаціей. Изъ драматическихъ воспроизведеній крѣпостного быта выходило - и выходитъ всегда или жалостно сантиментальное - какъ покойныя повѣсти объ Антонѣ Горемыкѣ и проч. - или нѣчто доступное только Мери Веси и Чуди, до сліянія ихъ съ Славянами - стало быть вообще нѣчто чуждое сущности драмы - какъ трагедіи такъ и комедіи. Изъ драматическихъ воспроизведеній идеальной

неприкосновенности крестьянскаго быта - выйдетъ всегда или нѣчто идиллическое - и это еще въ лучшемъ случаѣ - или нѣчто уже совсѣмъ натянутое.

Драма т. е. серьезная, національная драма - есть культъ національности, воспроизведеніе ея цѣльныхъ, полныхъ типовъ какъ въ добрѣ такъ и въ злѣ. Типы, развившіеся въ односторонне напряженномъ состояніи народнаго быта и народной исторіи, какъ бы они ярки ни были - хоть бы на примѣръ Стенька Разинъ или протопопъ Аввакумъ, не могутъ быть взяты драмою, культомъ общимъ, исключительно, единично. Они могутъ пройти и ярко, колоритно пройти въ драмѣ, захватывающей всю эпоху ихъ со всѣхъ ея сторонъ, какъ проходитъ на примѣръ Джекъ Кедо, предводитель возставшихъ массъ въ Генрихѣ VI Шекспира, - какъ проходитъ Пугачъ въ "капитанской дочкѣ,, Пушкина. Драма есть культъ національности, а не культъ извѣстнаго напряженія національности, извѣстной такъ сказать партіи. Точно такъ

же и факты крѣпостного быта могутъ современемъ проходить и проходить очень ярко, въ нашей будущей исторической драмѣ, но сами по себѣ, безъ связи съ общими типами общерусской жизни, столь же мало могутъ послужить предметомъ для драмы, какъ физическая болѣзнь напримѣръ или голые факты уголовщины... Драма съ другой стороны - не идилія и не проповѣдь чистой нравственности. Пьяный Фольстафъ ей, какъ искусству, столь же любезенъ и необходимъ какъ чистый и героическій Готспоръ. Ей нужна національность въ коренныхъ, органически сложившихся типахъ добра и зла.

Въ силу особенности нашего бытового и историческаго развитія, единственная среда, въ которой наша національность развилась совершенно свободно, какъ въ добрѣ такъ и въ злѣ - есть та среда, изъ которой не выходитъ, вѣроятно не выйдетъ да и не можетъ выйти нашъ народный драматургъ. Онъ вообще стоитъ на такой высшей точкѣ общенаціональнаго культа, что, со стороны различныхъ партій, на него

посыпались упреки за его Минина, какъ сыпались упреки со стороны пуристовъ - за безнравственность третьяго акта Грозы, и теперь еще раздаются за таковую же безнравственность третьяго акта "Воспитанницы,,.

Національная самость развилась въ этой постоянно изображаемой неистощимымъ художникомъ средѣ - въ высшей степени чудно и даже дико. Въ такомъ видѣ онъ намъ ее и изображаетъ.

Земская жизнь наша ушла, при столкновении съ извнѣ-наложенною на бытъ цивилизаціею, въ расколы, или явные, сознательные, организованные, - или въ бессознательные, но столь же упорно не поддающіеся цивилизаціонному уровню. Теоретики разныхъ лагерей, видятъ, одни - нѣчто идеальное, другіе - голое самодурство. Поэтъ видитъ только жизнь, ея отношенія и органически сложившіеся типы и воспроизводитъ ихъ, хотя конечно съ глубокою симпатіею къ почвѣ ихъ породившей, но съ симпатіею безпристрастной.

Съ чего взяли что купцовъ изображаетъ Островскій? Русскихъ людей онъ изображаетъ, типы русской жизни - а ужъ онъ не виноватъ, что свободно и оригинально до дикости и чудноты развились они только въ этой средѣ? Съ чего взяли что онъ купеческимъ языкомъ только владѣеть? Вѣдь это могутъ говорить только такіе господа, которые лѣтописей, грамотъ, княжескихъ духовныхъ, записей разныхъ частныхъ до-Петровской эпохи въ глаза невидывали. Русскій это языкъ - и притомъ цвѣтной, а не книжный, живой, органически сложившійся тоже въ добръ и злѣ, въ коренномъ складѣ и городской порчѣ, въ столкновеніи съ цивилизаціею и въ нѣкоторой амальгамировкѣ съ нею - и богатый, и колоритный и вмѣстѣ чудной языкъ, не наша выдѣланная до сухости рѣчь съ одной стороны и не костромское или владимірское крестьянское нарѣчіе съ другой... Съ чего наконецъ взяли, одни - что онъ идеализируетъ національные типы, - другіе, что онъ самодурство казнить? Ничего этого не бывало - хоть и формула

темнаго царства и формула почвы, извлечонныя такъ сказать мыслителями изъ его произведеній, имѣють для себя въ его творествѣ большія опоры, и притомъ, формула "почвы,, конечно несравненно болѣе.

Возникаетъ теперь другой вопросъ, отчего Островскій ничего изъ нашей развитой жизни типовъ не беретъ, или отчего, когда онъ касается этихъ типовъ, они у него не колоритны, хотя всегда, въ высшей степени правильно поставлены?

Опять я скажу здѣсь парадоксъ. Оттого что нечего насъ брать-то въ драму, что не стоимъ мы, съ позволенія сказать, чтобы въ драму-то войти. Ну, какіе мы типы? Все, что было въ насъ, даже "наносно-типическаго", того напущеннаго, что образовывало въ насъ и нашей жизни хоть какое-то марево типовъ, до-тла уже исчерпано Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, и даже у нихъ-то въ драму, въ демократическую форму искусства не перешло и не могло перейти. Кого даже изъ насъ-то по совѣсти могутъ

драматически интересоваться, ну хоть тѣ тонкія отношенія, которыя развиваются напимѣрь въ изящнѣйшей изъ драматическихъ попытокъ Тургенева: „Гдѣ тонко тамъ и рвется“, а вѣдь вещь въ своемъ родѣ по истинѣ прелестная. Какія добросовѣстныя симпатіи могутъ приковать насъ въ театрѣ къ личности Арбенина, къ его мести женѣ изъ „напущеннаго“, а не настоящаго чувства? Какой интересъ, даже и мы-то, можемъ найти въ старомъ дуракѣ Мошкинѣ - тургеневскаго "холостяка,,... Никакого, даже и намъ, такъ называемымъ развитымъ людямъ, въ такихъ и подобныхъ миражныхъ типахъ мѣста нѣтъ. Лучшую повѣсть изъ развитой сферы попробуйте обратить въ драму, ничего не выйдетъ, хоть "кто виновать,, напимѣрь даже одраматизируйте.

Упреки Островскому за то, что онъ не беретъ типовъ изъ нашей развитой среды показываютъ только непониманіе сущности драмы и отсутствіе въ упрекающихъ серьезнаго пониманія драмы. Еще болѣе конечно странны упреки ему за то что онъ

не брать типовъ изъ высшихъ сферъ общежитія. Двадцать тысячъ разъ готовъ повторять я, что высшія сферы нашего общежитія существуютъ только какъ марево въ повѣстяхъ графа Соллогуба и г-жи Евгеніи Туръ, на дѣлѣ же подъ этими блестящими привидѣніями укрылись фонъ-визинскіе Сорванцовы и княгини Халдины; грибоѣдовскіе Фамусовы и Хлестовы, князя Тугоуховскіе и графини Хрюмины - и какъ таковыя только могутъ они войти въ дѣло серьезное, дѣло народное, дѣло демократическое т. е. въ драму. Какъ таковыя, они входятъ въ драму и у Островскаго - какъ напримѣръ въ лицѣ Уланбековой въ "Воспитанницѣ,, - а до ихъ показной, парадной или бальной стороны - ему какъ народному драматургу и драмѣ вообще, нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла, точно такъ же какъ нѣтъ ему дѣла напримѣръ до парадной стороны какогонибудь Мерича въ "Бѣдной Невѣстѣ,, - который можетъ быть, предѣлай его поэтъ съ парадной-то стороны, вышелъ бы

нисколько не меньше эффектенъ чѣмъ разные герои повѣстей сороковыхъ годовъ.

Островскій, какъ національный драматургъ, прежде всего человекъ земскій и представитель возрѣвнѣй земскаго быта. На жизненныя отношенія онъ смотритъ съ ея точекъ - только не съ точекъ случайныхъ, а коренныхъ и вмѣстѣ высшихъ. Что могло войти въ драму: изъ напряженныхъ ли состояній, изъ болѣзненныхъ ли наростовъ быта - то вошло или войдетъ въ его творчество. Въ "Воспитанницѣ,, на примѣръ заключены драматическія крѣпостныя отношенія и заключены чрезвычайно глубоко... Типы изъ сферъ высшихъ обществъ онъ бралъ когда ему это было нужно (какъ Вышневскій въ "Доходномъ мѣстѣ,,) но не могъ конечно придать имъ того, чего въ нихъ нѣтъ т. е. земской типичности и колоритности рѣчи.

Эти типы - изъ развитой ли, изъ общественной ли высшей сферы жизни берутся въ его драмахъ не сами по себѣ, а по ихъ отношенію къ земской жизни и съ

ея точекъ зрѣнія. Лицо напримѣръ старика учителя, Иванова, должно было именно своею отвлеченностью отъ жизни, своей книжностью въ рѣчи и въ самыхъ понятіяхъ, войти въ земскую комедію, которой первую часть, составляетъ «Въ чужомъ пиру похмѣлье,» - а вторую „Тяжелые дни“ - комедію объ отвлеченномъ законѣ, представляющемся какимъ-то чудищемъ отупѣлой и разобщенной съ нимъ земщины, комедію о "стриюцкихъ,, служащихъ необходимымъ звѣномъ между земщиною и отвлеченнымъ закономъ и о страшной безднѣ, лежащей между понятіемъ замкнувшейся въ своемъ безсознательномъ расколѣ земщины. Это поэтически, но во все не сатирически взятый контрастъ двухъ міровъ: одного, въ которомъ сознание совершенно разобщено съ жизнью, разобщено до того, что добрый и честный старикъ учитель совѣтуетъ своей взрослой дочери "срюгать,, отъ скуки - и другого, въ которомъ земская жизнь разобщилась съ отвлеченнымъ закономъ до наивнѣйшей вѣры въ грозную силу всякой,

хотя бы самой нелѣпой росписки, до убѣжденія, что "стриюцкіе,, все могутъ съ человѣкомъ сдѣлать. "Напиши, говоритъ Кить Китычъ Сахару Сахарычу, такую бумагу чтобы учителя Иванова съ дочерью въ Сибирь сослать,, и совершенно увѣренъ въ томъ, что дока Стрюцкій можетъ такую бумагу написать, какъ въ „Тяжелыхъ дняхъ" совершенно увѣренъ въ томъ, что самъ можетъ попасть въ сумашедшій домъ или въ смирительный... Да и не онъ одинъ въ этомъ увѣренъ. Квартирная хозяйка учителя Иванова, по своему желая добра ему и его дочери и обязывая Андрея Титыча подпискою жениться, увѣрена и въ обязательности этого документа и въ томъ что она доброе дѣло дѣлаетъ..... Потому она въ этомъ увѣрена, что сама принадлежитъ къ міру "стриюцкихъ,, - къ міру такъ сказать проходимческому, кочевому, считающему своимъ правомъ эксплуатировать осѣдлый и разобщенный съ отвлечоннымъ закономъ міръ, во имя этого абстрактнаго закона, - къ міру, и враждебному земщинѣ и необходимому ей,

потому что Стрюцкіе же могутъ эксплуатировать отвлечонный законъ въ пользу земщины... Это отношеніе "Стрюцкихъ,, къ земщинѣ, глубоко развито во второй части комедіи, въ „Тяжолыхъ дняхъ". Въ первой т. е. „Въ чужомъ пиру похмѣлье" взято собственно отношеніе земщины къ образованному сословію; взять, какъ я уже сказалъ, контрастъ двухъ этихъ міровъ, изъ которыхъ одинъ совершенно разобщонъ съ отвлечоннымъ закономъ и цивилизаціей, - ушолъ изъ подъ ихъ внѣшне-наложеннаго уровня въ безсознательной, но упорный расколъ; другой совершенно разобщился съ бытовою жизнію, ея понятіями и условіями и замкнулся въ созданный міръ имъ самимъ по книжнымъ условіямъ. Въ обоихъ мірахъ, вслѣдствіе ихъ замкнутости развилось въ ужасающихъ размѣрахъ дикое самодурство, представители котораго, учитель Ивановъ въ одномъ, и безцѣнный Китъ Китычъ въ другомъ. Въ контрастъ широко развернувшейся натурѣ самодура земскаго, самодуръ книжный является

личностью сжатою, заковавшеюся въ условныя, весьма по виду приличныя но безжизненные формы. При трагическомъ столкновеніи съ жизнью, формы эти разрушаются и наивный ребенокъ зоветъ "громы небесныя,, на эту, впервые ему открывшуюся, жизнь. А жизнь въ сущности виновата только тѣмъ, что онъ - идеалистъ, ее не понимаетъ.

Въ такой драмѣ личность учителя Иванова не могла и не должна была явиться иначе какъ книжною у поэта, потомучто по идеѣ драмы она и входитъ-то въ нее только этой стороною. Напиши Островскій драму съ точки зрѣнія той среды, къ которой принадлежитъ учитель Ивановъ, какая бы это вышла пошло-сентиментальная и никому, даже намъ "образованнымъ и развитымъ,, людямъ, ненужная вещь... И какого глубокаго смысла полны какъ эта, такъ и вторая часть комедіи о Китѣ Китычѣ, именно потому что Китъ Китычъ является въ обѣихъ центромъ! Изъ этого не заключайте впрочемъ чтобы я считалъ поэта совершенно безупречнымъ: я очень

хорошо вижу что онъ испортилъ въ "Тяжелыхъ дняхъ,, лице Досужева, земскаго стряпчаго, ярко и полно выступившаго въ третьемъ актѣ "Доходнаго мѣста,,; я очень не хвалю тоже все сочиненное въ "Доходномъ мѣстѣ,, и просто возмущаюсь до тошноты тирадами Жадова, этими идоложертвенными требами, принесенными поэтомъ російскому прогрессу и благодѣтельной гласности, но не смотря на такіе недостатки, за Островскимъ все-таки остается такая широта захвата нашей жизни, что я опять прихожу къ повторенію весьма полезнаго припѣва.

Трудно, ужасно трудно писать въ наше время драматическія сочиненія.. съ прибавленіемъ, послѣ Островскаго, - трудно изъ какого хотите быта, изъ народнаго или изъ образованнаго. Вѣдь можно ли напримѣръ выдумать что либо, въ чемъ бы такъ неприятно бѣлые швы проглядывали какъ въ "Мишурѣ,, г. Потѣхина senioris, что-нибудь сантиментальнѣе, приторнѣе и вмѣстѣ ложнѣе...

Послѣдняя комедія, которая была написана изъ образованнаго быта, талантливая вещь г. Сухово-Кобылина, "Свадьба Кречинскаго;,, она и уцѣлѣла на сценѣ.

А ужь о драмахъ ихъ народнаго-то быта, безпрестанно появляющихся и находящихъ себѣ пріютъ только въ "Старухиныхъ запискахъ,, что и говорить? У кого станетъ терпѣнія прочесть напримѣръ, хоть ту изъ нихъ, съ которой я началъ свою печальную рапсодію, "Пагубу,, г. Кондырева?..

Такъ вы, стало быть, ни въ какія драмы, имѣете право спросить меня, кромѣ драмъ Островскаго и не вѣрите?

Такъ и не вѣрю, отвѣчу я совершенно спокойно. Гоголевская драма, фантастическая и гиперболическая отошла уже въ область исторіи, почти что наравнѣ съ фонъ-визинскою, гораздо впрочемъ болѣе дѣйствительною драмою и несравненно болѣе проникнутою русскимъ возрѣніемъ на жизнь. Пушкинъ писалъ очерками безъ красокъ, и его великолѣпные очерки невыполнимы

сценически. Грибоѣдовская драма проживеть еще долго, но вѣдь она всего одна.. Кромѣ Островскаго у насъ ничего нѣтъ, это ужь будьте благонадежны.

Между тѣмъ, къ чему я и вель свои злостныя рѣчи, Островскій-то т. е. то что единственно и есть у насъ, сравнительно рѣдко дается на сценѣ и дается притомъ, за исключеніемъ "Воспитанницы,, и трилогіи о Бальзаминовѣ, чрезвычайно плохо большею частію. Не будь П. Васильева, Линской, Горбунова и Левкѣевой - постыдно плохо. Изъ большихъ его драмъ, вовсе не даются 1) Бѣдная Невѣста 2) Не такъ живи какъ хочется 3) Мининъ; - изъ сценъ: 1) картина семейнаго счастья. 2) Утро молодого человѣка..... Убиты безжалостно выполненіемъ, "Въ чужомъ пиру похмелье,, и "Старый другъ лучше новыхъ двухъ,,. Заиграны въ самой пошлой обстановкѣ: "Сани,,; брошена "Бѣдность не порокъ,, несмотря на великолѣпную игру П. Васильева: два, много-много три раза въ годъ идутъ "Свои люди сочтемся,, и разныя части трилогіи о Бальзаминовѣ... Идутъ

только постоянно "Гроза,, благодаря тому что ее взяли на разстерзаніе всяческіе дебютантки, да "Грѣхъ да Бѣда,, съ несчастною чередовкою...

Въ этотъ сезонъ поставлены были 1) Доходное мѣсто 2) Воспитанница 3) Тяжелые дни, и возобновлена комедія "Старый другъ лучше новыхъ двухъ,,. Говорить объ этихъ вещахъ и ихъ выполненіи мнѣ нельзя, не впадая въ повтореніе, ибо по несчастію (для меня конечно, а не для читателей) писалъ я обо всемъ этомъ большія статьи въ темномъ и глухомъ органѣ, котораго я, за неимѣніемъ лучшаго занятія, былъ нѣсколько времени редакторомъ, но общіе выводы я могу сдѣлать. Доходное мѣсто давалось часто, не смотря на самую несчастную (за исключеніемъ г-жъ Линской и Споровой) обстановку. "Тяжелымъ днямъ,, не уцѣлѣтъ потому что только рецензенты "Старухиныхъ записокъ,, могутъ услаждаться такимъ Титомъ Титычемъ какъ г. Бурдинъ; "Старый другъ лучше новыхъ двухъ,, тоже не пошло, опять благодаря г.

Бурдину. Одна "Воспитанница,, утвердилась прочно, во первыхъ потому что въ ней замѣчательной артисткой явилась г-жа Владимірова и вовторыхъ потому, что есть нѣкоторой ансамбль въ постановкѣ. Пьеса явнымъ образомъ хорошо была срепетована, фактъ въ высшей степени рѣдкій на нашей сценѣ.

А. П. ГРИГОРЬЕВЪ
